

ДЕТЕКТИВ В ПУТИ

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Галина **РОМАНОВА**

и другие :-)

**Татьяна Витальевна Устинова
Дарья Александровна Калинина
Марина Крамер
Галина Владимировна Романова
Инна Юрьевна Бачинская
Анна и Сергей Литвиновы
Детектив в пути
Серия «Великолепные
детективные истории»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67283357

Детектив в пути: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-166482-4

Аннотация

Где еще действие развивается так стремительно, сюжет делает такие головокружительные повороты, а развязка наступает так внезапно? Конечно, в детективном рассказе! И вот перед вами новый сборник, в который вошли произведения признанных мастеров криминального жанра – Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Галины Романовой, – а также других талантливых авторов. В каждом рассказе – своя загадка, своя

интрига, своя головоломка. Попробуй их распутать, попутно совершив увлекательное виртуальное путешествие!

Содержание

Инна Бачинская. Любовь, обман и экзотика	6
Марина Крамер. Танго в дождливом городе	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сборник

Детектив в пути

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Инна Бачинская. Любовь, обман и экзотика

*Отправимся, о душа, в Индию! Там оживают
мифы Азии и древние сказки...*

Уолт Уитмен

Отправимся в Индию

Трещат сосновые дрова, распространяя пряный запах смолы; пламя вырывается за решетку камина – от него идет тепло, и дерганный красноватый свет наполняет комнату. Люстра не горит; на журнальном столике, кривовато сбитом из старых досок в стиле рустик, стоят открытая бутылка красного, бокалы и глубокая тарелка с крупно нарезанным ананасом. Аромат смолы смешивается с запахом ананаса и тонким, чуть кисловатым винным в невероятно приятный носу коктейль. Уюта добавляют завывание ветра и малиновые, постепенно гаснущие блики заката в окне. Весь день барабанил снег с дождем, а под вечер вдруг ударил морозец, поднялся ветер, и пробились сквозь морок закатные сполохи. И сразу чувство уюта... хорошо! Да, еще маленькая сизая елочка у окна, с единственным золотым шаром. Причем живая, в кадке, в роли домашнего цветка. Новый год все-таки.

В выключенной духовке доходит до полной готовности блюдо с экзотическим названием *бирьяни*. Снег, ананас, би-

рьяни и тринадцатое января на календаре...

Что бы это все значило, возможно, спросит читатель. И ответит сам себе, загибая пальцы: во-первых, старый Новый год; во-вторых, романтик ждет любимую женщину или, наоборот, романтически настроенная женщина ждет любимого мужчину; в-третьих, мизантроп собирается отмечать сам, а три бокала на кривом столике – для дополнительной радости, как напоминание, что никто не припрется! Тем более в один из бокалов налито вино, и он, хозяин, время от времени меж домашних забот делает глоток-другой. Больше никаких интересных мыслей.

На самом деле ни то, ни другое, ни третье. На самом деле мужчина, далекий от романтики, приземленный реалист и где-то циник, ожидает друзей на ужин. То, что при свете камина – никакая не романтика, а досадная случайность, из-за перегоревших пробок. Вырубило буквально пару часов назад, угораздило же! Вот так и получилось. Часто мы неверно толкуем происходящее и смыслы: смотрит печально, глазки опущены, общая интересная бледность... ах, что же случилось? Несчастливая любовь? Ограбили? Выгнали с работы? На самом деле болит живот.

Не тот Дима Щука человек, чтобы гулять на старый Новый год при свете камина! Как художник, он любит, когда много света. Нет, оно бы и ничего раз в году, но все-таки темновато, особенно на кухне, куда свет от камина добывает слабо, – все летит на пол, рассыпается и хрустит под ногами,

отчего идет мороз по коже. А свечей нет, никто не предполагал и не закупил, приходится действовать с фонариком, а он старый, и его нужно все время трясти, чтобы оживить батарейку. Хорошо все-таки, что есть камин! Гордость Димы и мечта всей его жизни. Последнее с себя снял, образно выражаясь, и отдал! Хорошо, что в лесу полно дров.

Дима живет на краю Ельницы, одичавшего лесопарка, который постепенно застраивается коттеджами и виллами. Цена на землю запредельная, а ему обломилось почти задаром. Махнулся с гражданской женой: ей Димина двушка в центре, ему развалюха ее покойной бабушки. Они продержались вместе полтора года, большой срок для художника, ведущего богемный образ жизни. Да и то исключительно благодаря терпению и добродушию этой женщины – она все надеялась воспитать из него примерного мужа, который ночует дома, носит тапочки с помпонами и не спит до обеда.

Богемный... Что представляет себе читатель, когда слышит про «богемный образ жизни»? Ну, как водится, оргии, тройки с бубенцами, шикарные женщины, лиловые негры, Париж... каждый – свое, вспоминая иностранных классиков. Это не про Диму. Дима Щука – фамилия такая, если что, – прост как лопата и незатейлив как грабли. Ходит в растянутом свитере и потертых джинсах, так как ему плевать на внешний вид; непредсказуем и на окружающую действительность смотрит с точки зрения цвета и формы. Причем при виде чего-то интересного уставится, замрет, даже

рот раскроет, а пальцы уже ощущают кисть. Еще добавить сюда громкий, сиплый, очень неприятный голос, особенно при волнении, тем более никаких сдерживающих центров – выбрасывание всего, что в мыслях.

Все это производит странноватое впечатление на тех, кто мало знаком с Димой, а те, кто знаком хорошо, не обращают внимания, потому что парень он добродушный, незлой и хороший товарищ. И художник отличный, можно сказать. Женщины его любят, так и летят как пчелы на мед, строят планы при виде простецкой Диминой физиономии. А все почему? Да потому, что Дима красив, этого у него не отнять. Рост, разворот плеч, локоны, глаза цвета болотного мха, метровые ресницы, бровка играет... как взглянет исподлобья и усмехнется... а-а-а! Причем без всякого умысла с его стороны, он даже не подозревает! А сердце замирает, и руки сами тянутся схватить и оставить себе. Но потом начинаются неожиданности...

Да, так о чем мы? Поменял свою двушку в центре на старый перекошенный домик Бабы-яги, чудом не падающий под снегом или в непогоду. Но... лес вокруг! Одичавший сад с корявыми яблонями и булькающим ручьем, а под самым раскидистым деревом полянка-пятачок с ландышами! Диме повезло – они разбегались весной, и бедная женщина, ни на что не надеясь, предложила ему съездить посмотреть на дом...

Дом! Громко сказано. Дима поехал, исключительно что-

бы напоследок сделать ей приятное, а еще не сумел убедительно отбрыкаться. Был конец мая, вечерело, из леса тянуло сыростью и прохладой; он споткнулся на неровной веранде, заглянул в трухлявые сенцы, стукнувшись головой о низкую притолоку; постоял посередине комнаты с кривыми стенами и тусклыми оконцами. Потом зашел за... *дом*, с позволения сказать, встал там, озираясь, и тут вдруг... о чудо! – упоительно-сладкий зеленый дух цветущих ландышей накрыл его с головой. У него даже слезы навернулись и мороз по коже... аллергия, не иначе. Он стоял и вдыхал... вбирал в себя дух ландышей, а слух уже различал плеск ручья, писк потревоженной птицы, шорох листьев...

...Дима открыл духовку и вытащил чугунный казанок. Приподнял крышку, заглянул, потянул носом и решил, что *бирьяни* готово... или готов – черт их разберет, эти лексические заимствования. Выключил газ. Зачерпнул ложкой, попробовал, охнул и зашипел – горячо да и перец! Потом разложил на журнальном столике сувениры и кипу рисунков, сел на диван, отпил из бокала и принялся ждать гостей.

Он задремал, и перед мысленным взором замелькали немые картинки, как в слайдоскопе: *кляц, кляц, кляц...*

Кляц! Сползание по трапу на полусогнутых в ослепительное солнце, море света, незнакомые запахи и горячую парниковую влажность. Белозубая улыбчивая красотка-таможенница в белом сари с золотыми погонями; он сам с открытым ртом, застывший, потрясенный; возвращающий в реаль-

ность тычок Артура в спину...

Клац! Мгновенный холод аэропортовского павильона, сумасшедшие запахи благовоний – ванили и сандала, пестрый человеческий рой, смуглые усачи в военной форме с золотыми аксельбантами, шлепок штампа в паспорт. Слезы восторга и шмыгание носом от обилия впечатлений...

Клац! Толпа встречающих, гид, небольшой, очень смуглый, в белом костюме и черном тюрбане, с плакатом, где перевернутая до полной нечитаемости фамилия: «Mr. Golyvayts» вместо Головатый. Дима ухмыльнулся во сне...

...Разбудил стук в дверь – звонка не было, и вешать Дима не собирался, так как его эстетическое чувство восставало против искусственных звуков в природной среде, как он объяснял тем, кто спрашивал. Самое главное в его жизни – камин, а еще студия, пристроенная с восточной стороны, почти полностью стеклянная, а щелястые окна, волнистая крыша, скрипучий гуляющий пол – так не суть. Не нравится – не смотрите. Тем более звонок!

Он открыл. Это были Эля и Лапик, ожидаемые друзья. Эля в шубке и белой вязаной шапочке с помпоном, денди Лапик в дубленке и клетчатом кепи. Ну, как водится, радостный визг Эли насчет Диминого загара, общего возмужания, выгоревших локонов и белой ситцевой туники с разрезами, расшитой по вороту золотыми восточными узорами, с ситцевыми же штанами-алладинами, синими, в восточных огурцах. Лапик снисходительно улыбался...

Лапик – образец такта, выдержки и манер, и похож он на классического англосакса с английским юмором, в клетчатом кепи с ушами... у него даже трубка есть, хотя он не курит, – для имиджа. Достоянейший человек! Пять иностранных языков, интеллект, лоск... Переводчик. Они с Элей коллеги... гм... даже больше, правда, уже в прошлом. Сейчас просто друзья. У Лапика... – вообще-то он Леонид – семья, дети, жена... собака, наконец. А Эля – в вязаной шапочке с помпоном!

Правдурб Дима однажды сказал, что она похожа на шкафную моль, понимай, такая же бесцветная, причем одежда в масть. Но человек хороший, гуманистка, подкидывает на приюты для бездомных животных. У Димы руки чешутся «накрасить ей физию»... Он так и говорит: «Эль, ну давай, а? Тени, чуток пастелью, задатки у тебя нормуль, выделим глаза, скулы... ну хоть разочек, а?» Но Эля только отмахивается. Кстати, Лапика Дима набросал на ходу, за пару минут: с большим аристократическим носом, иронически приподнятой бровью, в клетчатом кепи и с трубкой в зубах. Лапик поморщился, дернул бровью, но был польщен.

– Димыч, ну ты устроил! – иронически произнес он, стаскивая с Эли шубку. – Вот так, ни с того ни с сего, рвануть на край света! Но если честно, я тоже не отказался бы, и вообще...

– И я! – вылезла Эля. – А то этот снег с дождем достал уже! Там хоть тепло? Ты похудел, и загар шикарный! Одежда

оттуда? Красивая туника! Штаны просто класс! А почему ты босиком? В Индии так ходят?

– Тепло?! – Дима захохотал. – Плюс пятьдесят и влажность сотка! Не, это я случайно. Один сандаль залетел под диван, не успел достать. Прошу! – Он сделал размашистый жест рукой. – *Бирьяни* ждет!

– Кто ждет? Ой, а почему темно? И чем это пахнет?

– Индийское национальное блюдо, – объяснил Лапик. – Вроде плова. Пахнет благовониями, вон дымится, видишь? В банке из-под майонеза. Действительно, а почему темно? Для романтики?

– Пробки вырубил, будем гулять с камином. Свечек тоже нету.

Лапик уселся на диван, рассмотрел три бокала и спросил:

– Нас трое? А Неда?

– Укатила к дойчам, там у нее сестра.

Неда – подруга Димы, они то разбегаются, то сбегаются...

– Ну и прекрасно, мы своей компанией, – сказала Эля. – Ой, ребята, я так рада! Димочка, ты какой-то другой, загорел... и эта туника! А штаны вообще отпад! Экзотика! И благовония, и ананас...

– Вы еще вместе? – спросил Лапик. – Интересный запах! Сандал?

– Сандал! Там везде палочки понатыканы, курятся из каждой щели. Сандал самый тонкий... до слез прошибает! Пока вместе... вроде бы. Не знаю, если честно.

– Не будем о грустном! – сказала Эля. – Можно мне вина? Ой, котик! Какой большой! Мой Атос тоже вырос. Гарфилд, кажется? – Она погладила кота, спавшего за подушкой. Тот проснулся, потянулся и полез к ней на колени.

– Ага, Филька. Гони его, он линяет! Брысь! – Кот и ухом не повел.

– Зимой?

– Все время. Витаминов, видать, не хватает. Купил ему рыбий жир – не пьет, зараза! Поцарапал, – Дима показал след на руке.

– Может, хватит? – не выдержал Лапик. – Рассказывай лучше про Индию! Кстати, там у тебя бутылки на веранде, забыл?

– Почти две недели в Индии! – вздохнула Эля. – Я бы не отказалась. Какие бутылки? Я не заметила.

– Не забыл, холодильник навернулся. Я бы еще остался, честное слово! Это абсолютно другой мир, опомниться не могу! До сих пор перед глазами! Заболел прямо.

– Лихорадкой? – испугалась Эля.

– Образно выражаясь, – пояснил Лапик. – Все, кто там был, мечтают вернуться.

– Я тоже мечтаю! Там такие краски, цветы... а женщины! В сари! Есть в европейских шмотках, но большинство в сари. Думаю, через год, сейчас лучшее время, а то летом ливни. А это вам, сувениры!

Дима протянул одну из пестрых торб с журнального сто-

лика Эле, другую Лапику.

– Ой, спасибо! – вспыхнула Эля. – Что это? – Она достала из торбы бледно-голубую ткань, развернула и ахнула: – Платье?! Ты подарил мне платье? Какая прелесть! С вышивкой! Димочка, спасибо! – Она вскочила и расцеловала его.

Лапик меж тем вытащил из своей торбы бронзовую статуетку танцующего божества.

– Шива Натараджа! Спасибо, Димыч! Прямо не знаю... угодил! То, что называется идеальный подарок! Поставлю у себя в кабинете. Как подумаешь, какая страшная древность... и до сих пор живо. Позы, танец... совершенство!

– Элька, надевай давай! – скомандовал Дима. – Увидел на манекене и подумал: как раз для тебя. Это их ткацкие промыслы, тонкий хлопок, расшитый шелком. На плечах бантики.

– Прямо сейчас?

– Ну! Иди в спальню!

Эля удалилась. Мужчины остались одни. Дима разлил вино.

– За возвращение!

Они выпили.

– Поверишь, я еще там, – сказал Дима. – Никак не привыкну... Это другая планета! В гостинице на нас надели гирлянды из желтых цветов, прикинь? Аж голова кругом. И женщины потрясающие! Идет... как натянутая струна! Гид сказал, генетика, привыкли таскать на голове тяжести. Походка...

танцуют! В сари... как оно только на них держится! Пять метров! Яркие насыщенные тона... красный, синий, оранжевый, голубой... прямо радость на душе! В золоте, звенят браслетами, сизый дым... благовония везде! Ваниль, сандал, кориандр... Я три дня чихал, пока привык. Базарчики, горы фруктов... краски обалдеть! Сумасшедшие колера! Галдеж, гомон и коровы на улице... прямо в Дели! С колокольчиками и золотыми рогами! И не боятся ни хрена, лежат себе поперек улицы, их угощают... банан, кусок дыни, лепешка. Темно-коричневые, шерсть блестит! Жуют, глаза бархатные... Корова как идея красоты, а не кусок мяса. А в храм можно только босиком, мрамор от солнца раскаляется, надо прыгать... обжег ногу на хрен, потом хронал целый день. Полно статуй богов, запахи опять аж до слез, струйки тянутся к потолку. Приношения горкой – рис, цветы, разноцветные нитки, бусы. И лингам! – Дима понизил голос. – Знаешь, что такое лингам?

– Знаю, – сказал Лапик. – Камасутра, секс как искусство...

– Точно! И перед ним тоже гора подарков, просят детей и мужской силы, представляешь? Храм любви... Ну, скажу я тебе... тысячи лет, кто построил, не знают, в джунглях... обезьян полно, так и кидаются, одна сперла у меня очки, покусала и выбросила! Там такие позы... я глазам не поверил! Акробатика! – Дима оглянулся на дверь спальни. – Наш секс и близко не стоял! Все другое, даже глазам больно. Храмов полно, сумасшедшая древность! Бродячие факиры с коброй,

и она танцует... жуть! Говорят, им зубы вырывают. Глаза разбегаются, привез рисунки... сотни три...

Скрипнула дверь, и появилась сияющая Эля в голубом платье! Мужчины уставились одобрительно; Эля, сделав книксен от смущения, сказала:

– Вообще-то оно летнее! Как я вам?

– Элька, это твое! Димыч, молодец! – похвалил Лапик. – Прекрасное платье... и эти бантики на плечах! А вышивка...

– Бретельки можно поднимать и опускать, – сказала Эля. – Очень удобно.

Она стояла перед ними как на сцене, тощенькая, с очень белой кожей и взъерошенными перышками на голове, разведя руки в стороны, напоминая страшенькую дизайнерскую куклу. Дима вытащил из кармана штанов синий атласный мешочек и вытряхнул на ладонь бусы, сверкнувшие в бликах камина, протянул Эле:

– Это тоже тебе! Аметисты и сандал. Камни практически нешлифованные и резные бусины...

Эля ахнула:

– Какая прелесть! Димочка, это же страшно дорого! – Она надела бусы, потянула носом: – Как пахнут! И тяжелые...

– Не очень дорого, там сухой закон. За банку отдают пол-базара, – простодушно объяснил Дима; Лапик ухмыльнулся. – Артур меня чуть не прибил! Он считает, что от заразы надо было принимать прямо с утра. А я как увидел... это шедевр! Какой-то уличный торговец, за копейки! И фигурок

полно, будды, слоны, божества из нефрита, сандала, мрамора... Я выменял Ганеша с головой слона! Из мрамора. И бусы тоже себе взял, сейчас! – Он достал из кармана еще один атласный мешочек, красный, вытащил бусы, надел. – Разноцветный агат. Он мне еще серьгу подарил, надо будет проколоть ухо. Мы *типа* подружились... маленький, черный, зубы белые...

– Одну?

– Ну! Одна даже интереснее. Хороший народ, смеются, спрашивают откуда... Нищих много, живут в коробках... мы проезжали на автобусе. – Дима вздохнул. – Элька, не замерзнешь?

– Нет! – Эля уселась на диван. – Шикарно смотришься в бусах, Дим. А мне вина? Теперь хочу рисунки!

...Они рассматривали, Дима объяснял:

– Это Тадж-Махал, Агра. Один как будто висит в воздухе, другой отражается, вон длинный водоем, как в зеркале. Построил царь Шах Джахан в честь любимой жены Аз-Мумтаз. Любовь была страшная, двадцать детей! У чувака целый гарем, а он всю жизнь любит одну. Аж мороз по коже. Попросил сына построить ему такой же, только черный, напротив. Тот обещал, но не построил. Я бы лично делал сразу на двоих, детям пофиг. Белый мрамор, инкрустация кабошонами... аметисты, гранаты, опалы, причем внизу выковыряны, куда народ лапами достал. Я как сел на траву, так сразу и отключился. Нирвана! Нет таких слов, понимаете? Я и Тадж-

Махал. Ничего не соображал, только смотрел... челюсть от-весил. Говорят, симметрия до миллиметра, я вообще-то не люблю, но... но... не передать! Спустился в подвал, там ее гробница, а рядом его, сдвиг в симметрии. Я и понятия не имел, что там правила моголы, Агра была ихняя столица. Думал, всю дорогу индусы. Арик сказал, если я сию минуту не встану, он уедет на фиг один. Я его послал и хотел остаться на ночь, говорят, в лунном свете нереальная фантастика, но там закрывали и нас вып... вывели. Шел и оглядывался... до слез! Поклялся себе, что вернусь! Подохну, а вернусь!

Дима прерывисто вздохнул; Эля погладила его по голове...

– Это корова! Это дормен в униформе, это женщина из гостиницы, увидела, что я набрасываю, остановилась... улыбается. Это Арик в гирлянде, хотел снять, сказал, что выглядит как идиот в цветочках. А я свою носил до вечера. Это свадьба... невеста в красном, море цветов... Это слон! Арик катался, говорит, страшновато, высоко и качает! Здоровый такой слонище, сверху ковровая попона и будка с сиденьем, всё в бусах, гирляндах... культ животных! Вот Арик наверху, вцепился, морда кислая. Это обезьяны, мелкие, как кошки, шустрые, так и сигают. Трогать нельзя, священные твари, верещат, прыгают... в любом парке десятки! Говорят, съедают половину урожая. Это Красный форт, дворец... не помню чей, там их полно. Храм! А вот это... Кто знает, что это?

– Железная колонна, должно быть, – сказал Лапик, рас-

смаатривая набросок. – Кутб-Минар.

– Точно, – разочарованно сказал Дима. – Откуда ты знаешь?

Лапик загадочно улыбнулся и промолчал.

– Он у нас все знает, – сказала Эля. – Страшно умный. Эн-цик-ло-пе-дист. А что за колонна? В чем прикол?

– Полторы тысячи лет, и не поржавела. Чистое железо! Говорят, из космоса. Получить такое на Земле нереально даже сейчас.

– Ага, интересно. А настоящего йога видел?

– Видел! Красавец мужик, аж не верится, что такие бывают, весь в белом... глазищи, брови, стать... Как глянет, аж мороз по коже! У нас в гостинице был прием, ну, там фон-тан, живая музыка, снэки... Рассказывал про йогу, говорит, хрен у вас в Европе, а не йога, разве что нос полоскать соленой водой от насморка. Генетика не та, дух не тот, мозги тоже не те... сильно много суетитесь и жрете!

– Между прочим, я состоял в обществе Рериха, – заметил Лапик. – Еще студентом. Люблю его картины.

– Ну да, ничего, – согласился Дима. – Передают атмосферу. А еще танцы! Ну совсем не так себе представлял! Думал, вроде фольклорного балета, а на самом деле крупные тяжелые тетки, бьют босой пяткой в пол, аж гудит все! Браслеты звенят, колени полусогнуты... пластика сумасшедшая! Даже глазами танцует! Я ее тоже набросал... в разных позах! Танец как тяжелая работа, ритуал... и древность страшная! –

Дима нашел рисунки. – Вот!

Некоторое время Лапик и Эля рассматривают рисунки танцовщиц...

– Я тоже представляла их иначе, – сказала Эля. – А чем вас кормили?

– Рис, баранина с овощами, буйвол... все горит, глаза на лоб вылазят! Я как хватанул в первый раз, думал, все, хана! Еле отдышался. Потом привык. Картошка у них тоже есть, я и не знал, думал, один рис. Хлеб как полый шар, надкусишь, и воздух выходит. А манго лясси! Нектар! Между прочим, я вам приготовил блюдо, специально записал рецепт. Только, наверное, карри многовато, привез целую банку. Эль, доставай тарелки!

– Мы тоже кое-что прихватили! – Леонид поднялся. – Элька захотела шампанское и торт. Я пока вынесу на веранду, пусть остынет.

Дима достал из духовки казан с индийским блюдом и стоял, держа на весу; он крикнул Эле, чтобы достала блюдо, быстрее, а то горячо! Опрокинул казан над блюдом и потряс.

– Пахнет вкусно, – заметила Эля. – А какое мясо?

– Черт его знает, купил какое-то на базаре... вроде свинина. Главное – карри. Тарелки нашла?

– Нашла. Что еще?

– Овощи-гриль, купил в полуфабрикатах, еще копченое мясо и хлеб! Садимся!

– Знаете, если гостиница попроще, то можно сэкономить,

так студенты катаются, – сказал Дима, когда они уселись вокруг журнального столика. – А пожрать можно и фрукты с базара, бананы, там, манго, лепешку купить. А воду надо в бутылках, заразы полно. Им ничего, а нас может прихватить. Арик снобьяра еще та, гостиницы минимум четыре звезды, то, се, *типа* надо для представительства. Чаевые кидал нехилые, а когда обслуга расшаркивалась, мол, мистер, сэр, *сааб джи*, сенк ю вам до самого пола, он аж таял! Корчил миллионера, а они четко просекают, подыгрывают, а он и рад.

– Можно узнать, какова была цель вашего путешествия? – спросил Лапик. – С чего вдруг Индия? Твой Артур Головатый торгует антиквариатом, насколько я помню.

– Точно! У него магазин «Старая лампа», – вылезла Эля. – Я была!

– Ну да, антиквариатом. А сейчас хочет начать торговлю всяким барахлом, познакомился в инете с какой-то индийской компанией, они позвали, оплатили пять дней в Мумбае и перелет. А мы сначала в Дели и Агру за свой кошт, чтоб осмотреться, потом к ним. Я *типа* консультант, Арик в искусстве не шарит, и вкусы жлобские.

– Какие именно товары?

– Поделки из дерева и камня, украшения, фигурки, посуда... и еще что понравится. Платья, например.

– Думаешь, пойдет у нас?

– Хрен его знает! Если бы не поехал, ни за что не купился бы. А так... мне все у них нравится! Я подсказал кое-что,

сумки из верблюжьей кожи, специи, четки из сандала, шка-
тулки... шелковые платки тоже. Экзотика, одним словом.
Арик считает, что пойдет. Посмотрим. – Дима помолчал. –
Так! Все стынет, берем и накладываем! – скомандовал он. –
Самообслуживание. Кому чего налить? Элька?

– Мне белое! Ну-ка, ну-ка, что за штука! – Эля попробо-
вала *бирьяни*, охнула и замахала руками.

– Я же говорил, не хапать сразу, – сказал Дима. – Поне-
множку! На, запей!

– За возвращение! – Лапик поднял бокал с красным. –
Завидую белой завистью, Димыч.

– Можем махнуть вместе, – сказал Дима. – Я по-любому
туда вернусь.

– И я с вами! – сказала Эля охрипшим голосом, утирая
слезы. – Хочу посмотреть на йога и Тадж-Махал. И на свя-
щенных коров.

Они выпили.

– Арик тоже мылится... – обронил Дима, и что-то было в
его голосе... что-то такое...

Чуткий Лапик уловил сигнал и тут же спросил:

– Как вы с ним уживались? Ты говорил, у него характе-
рец... Нормально?

Дима ухмыльнулся; сунул в рот ложку с *бирьяни*:

– Между прочим, они кушают рис руками... даже в ресто-
ране. Там чашки стоят, чтобы мыть руки, а он хлебнул! –
Дима захохотал. – Ну как? Ничего?

– Очень вкусно, – похвалил Лапик. – Так что Арик?

– Арик-кошмарик... – Было видно, что Дима колеблется, это заметила даже простодушная Эля.

– Дим, что с Ариком? – спросила она. – Напился из чашки для рук – и что?

– Арик влюбился! – бухнул Дима.

– Как влюбился? – ахнула Эля, трепетно относящаяся ко всему, что касалось любви. – В кого?

– В индианку! Зовут Амрита или просто Рита.

– Бессмертная! – заметил Лапик. – Красивое имя.

– В самом деле влюбился? – уточнила Эля.

– Еще как! После Дели мы полетели в Мумбай... я не знал, что это бывший Бомбей! Говорят, индийский Чикаго, небоскребы, бизнес, мафия. Народу туча, под двадцать миллионов! Арика сразу ограбили, еще в аэропорту! Сперли мобильник. Ну, встретили нас, привезли в офис, всякие церемонии, Арик щеки надувает, господин Сингх в чалме кланяется, сели обсуждать... все такое. Чай подали какой-то особенный. Я особо не вникал, смотрел из окна, там шестнадцатый этаж, весь город как на ладони. Муравейник! Никакого сравнения с Дели и Агрой. Какой-то закопченный, улицы узкие, народу не протолкнуться, машин до фига. Шум, аж уши закладывает, машины сигналият, люди орут, зазывалы хватают за рукав и тянут в лавку, рекламы бьют по голове. И жара! Жарища просто дикая! И влажность, дышать нечем, с тебя льет в три ручья! Мы бегом проскочили по цен-

тру, для общего развития, и назад в гостиницу. А вечером прием у него дома... громадный домина, чисто тебе дворец, палаты, позолота, много цветов, благовония, деревья в кадках... Собралась вся семья, человек двенадцать, дети, родители, жена, сестры... живая музыка! Пригласили музыканта, инструмент вроде лютни, сидел на помосте, тренькал. При чем подают только воду и соки. Я думал, из-за жары, спросил, а господин Сингх сказал, религия не позволяет. «А у вас?» – спрашивает. У нас, говорю, тоже не позволяет, а как же! Очень приветливые, чувствуется, что не притворяются, и правда им интересно, и радуются. Старшая дочка... красotka! Зовут Малика. Глазищи во! Тоненькая, гибкая, косы до пят, малиновое сари и вся в золоте... Арик меня локтем, козлиная, шепчет: «Веди себя прилично», – а я как идиот, смотрю и смотрю! Потом не выдержал, достаю из папки бумагу, карандаши... прикладываю руки к груди на ихний манер, кланяюсь, киваю на карандаши и на нее, можно? Они так смеялись! Подарил им набросок, они обрадовались, опять смеются, рассматривают, кричат. Она сидит красная, глаза опустила, а потом как стрельнет в меня! Вернулись в гостиницу, Арик мне втык сразу, говорит, опозорил перед деловым партнером, паялился, а у них не принято. Девушка как девушка, ничего особенного, лично ему нравятся блондинки. Блондинки! В Индии!

– Так кто из вас влюбился? – спросил Лапик. – Ты или Арик?

– Арик, в Махабалипураме...

– Где? – переспросила Эля. – Это что?

– Городок на юге, вроде курорта. Господин Сингх предложил нам до отъезда отдых на океане, у него там бунгало. Арик разнылся, что это из-за меня, чтоб не пялился, гад. Мы и полетели. Я как увидел океан... – Дима сделал паузу и глубоко вдохнул. – Это же... охренеть! Песок и волны! Полоса почти белого песка на мили и пустой океан... один или два паруса на горизонте. И людей ни души. Нереальная жара, свободно дышишь только часиков в пять-шесть утра, потом сиди в бунгало и носа не высовывай. С закрытыми окнами. Бунгало из темного дерева, маленькие зеленые ящерики бегают по стенам и потолку... называются гекконы. А под вечер выползаешь на пляж и до утра на океане! На песок не ступить, раскалился за день... опять обжегся! – Дима помолчал от избытка чувств. – Это что-то! Не передать... Накатывает и уходит в песок... и так миллионы лет! Ш-ш-ш на берег и обратно! – Он сделал плавный жест рукой. – Как шепчет... Миллиарды! Сливается с горизонтом... В шесть вечера уже крошечная темень, потому что экватор! Без фонарика до бунгало хрен доберешься. И звезды! Таких звезд нигде больше нету! Низкие, большие, можно потрогать... это... это полный абзац! Ни земли, ни верха, ни низа... одни звезды. Куполом над тобой! А ты... ты никто, букашка, но тебя выпустили, понимаете? Такое чувство... летишь среди звезд! Тебе разрешили посмотреть! И благодарность... прошибает

аж до слез! В океане светляки как звезды, волна накатывает, они гаснут, откатывает, и сразу новая... как будто он дышит! И опять звезды до горизонта... непонятно, где океан, а где небо. Иногда падают... летят в океан и тонут...

Дима снова замолчал; Лапик и Эля тоже. Лапик налил вина:

– Предлагаю выпить за возвращение!

– Я вернусь! – убежденно сказал Дима. – Похалтурю годик и вернусь!

Они выпили.

– Так в кого он влюбился? – напомнила Эля.

– В гидессу Амриту. Пошли купить экскурсию, а там она. Арика прямо заткнуло, рот открыл, забыл все английские слова... – Дима ухмыльнулся. – Готов! Причем не блондинка.

– Красивая?

– Потрясающая! С зелеными глазами, в зеленом сари, звенит браслетами, улыбается. Фигурка точеная. А походка... офигеть! Песня! Арик сразу мозгами двинулся, начисто башню снесло. Они потом все время за руки...

– Красивее Малики?

– Малика девочка, а Рита вамп! Была с нами весь день, и следующий, и еще, до самого нашего отъезда. Там две спальни, у меня своя, ну а они...

– Она осталась с вами на ночь? – ахнула Эля.

Лапик рассмеялся:

– Она, надо думать, осталась с Ариком. Взрослые люди...

– Но ведь он женат!

– Ты, Элька, как ребенок, честное слово! При чем тут жена, если любовь? Он не предлагал ей уехать?

Дима пожал плечами:

– Я бы не удивился, если честно, он совсем слетел с катушек. Хотел остаться, но потратился, пришлось возвращаться. А здесь снег с дождем все время. – Дима вздохнул. – И пробки вырубил.

– А она тоже влюбилась? – спросила Эля.

Дима пожал плечами:

– Ну, наверное. Я не хотел им мешать, спал на лежаке на пляже. В семь утра окунался... вода как из чайника! Потом шел в кафе, брал чай и лепешку, ничего больше в горло не лезло. Потом ходил по городу... по паркам, смотрел храмы... Перебежками из тени в тень. У них там падающий камень, громадный валун! Сейчас! – Он порылся в кипе рисунков, лежащих на полу под столиком, вытащил один и протянул: – Вот! Как он там висит... черт его знает! Должен упасть, но почему-то висит. – Эля и Лапик некоторое время рассматривали рисунок с падающим камнем. – А вечером снова на океан и до самого утра. Один! Лежал, смотрел на звезды, и такое счастье накатывало... Их почти не видел. Предложил ему остаться еще на неделю, так этот придурок хлопнул все бабки... сдуру купил камни!

– Какие камни? – спросила Эля.

– Два сапфира, рубин и изумруд. Признался не сразу... да мы почти не виделись. Как оказалось, какие-то особенные, страшно дорогие, по двадцать карат...

– Он собирается торговать камнями?

– Черт его знает, что он собирается. Говорю же, я только потом узнал, все втихаря, тайком. Там с десятков бунгало, отдыхают богатые. Приехал ювелир, привез одному камню, как договаривались, а клиент передумал. Он рассчитывал на сделку, летел из Мумбая, а тут облом. Оказалось, знакомый Риты, они столкнулись в ресторане. Арик попросил показать... ну и купил, тот уступил пятнадцать процентов. И мы полетели на хрен домой.

– А что он с ними собирается делать? Продать?

– Понятия не имею. Теперь уже по барабану, потому что...

Они вздрогнули от стука в дверь; переглянулись.

– Ждешь кого-нибудь? – спросил Лапик.

– Деда Мороза с подарками! – хихикнула Эля, наливая себе вина.

Дима поднялся и пошел открывать. Хлопнула дверь, по дому промчался холодный сквозняк, и метнулось пламя в камине; Эля потянула на себя плед. Вошел Арик, увидел гостей и встал на пороге как вкопанный.

– Проходи, – сказал Дима, подталкивая в спину непрошеного гостя. – Все свои.

– Добрый вечер, Эля! Леонид! – опомнился Арик. – Ни-

чего, что я так, наскоком? Не ожидал, думал, забегу на минутку, узнать, как и что... поговорить.

– Ага, проходил мимо, – фыркнул Дима. – О чем говорить? Вроде уже все обсудили, с тобой все ясно.

– Ну... вообще. Как у вас вкусно пахнет!

Лапик встал, принес из кухни табурет:

– Садись, Артур. Димыч рассказывает про Индию, мы дружно завидуем. Решили тоже смотаться по свободе. Как тебе поездка?

Тот пожал плечами и пробормотал, что хорошо. Эля и Лапик переглянулись. Обычно самоуверенный и шумный Артур был не похож на себя. Эля вскочила и побежала на кухню; вернулась с чистой тарелкой.

– Вина будешь? У вас там в Индии сухой закон, отвык небось? – пошутил Лапик.

– Димочка приготовил национальное блюдо... забыла, как называется. Вкусно! Я тебе положу. Ты видел его рисунки? Потрясающе! И вот это платье тоже он! – Эля одернула обновку на груди. – И еще бусы! Аметисты и сандал, запах с ума сойти!

– Ага, бусы, – произнес замороженным голосом Артур. – Мы тут решили устроить у нас индийский фестиваль, летом. Почти договорились, пригласили гостей. Индийский базар, сувениры, еда, одежда... бусы тоже. Из натуральных камней. Танцы, музыка, кино...

– Класс! Дима сказал, ты купил какие-то необыкновенные

камни, – не выдержала Эля.

Артур затравленно взглянул на Диму, тот пожал плечами.

– Покажешь?

– Нету камней, – после продолжительной паузы сказал Артур. – Забрали на таможне. Оказывается, у них там какие-то драконовские правила...

– Как забрали? – ахнула Эля. – Правда? – Она уставилась на Диму: – Ты не сказал!

Дима снова пожал плечами.

– Димка, я же извинился! – закричал Артур. – Сколько можно! Мне и так хреново, а тут еще ты... в позе! Я же все объяснил! Идиотское недоразумение! Сам не знаю, как это получилось... честное слово!

Эля и Лапик снова переглянулись. Дима загадочно молчал. Неловкая пауза затягивалась. Артур сидел красный, взъерошенный, переводил взгляд с Лапика на Элю, словно прося о поддержке. Лапик пробормотал:

– Ребята, если у вас там что-то... Нет, ну не хотите, не надо, мы понимаем. Надо прийти в себя... совершенно чужой мир, культурный шок... Помню, читал еще студентом роман «Поездка в Индию», фильм тоже есть, замечательный!¹ Об отсутствии точек соприкосновения между Востоком и Западом, о непонимании белым человеком их культуры, ментальности, об осознании собственной чуждости их миру... И сти-

¹ Речь о романе английского писателя Эдварда М. Форстера «Поездка в Индию».

хи учил в университете, до сих пор помню! – Он продекламировал нараспев:

О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
пока не предстанет Небо с Землей
на Страшный Господень суд...²

Замолчал, разлил вино и поднял бокал:

– За Индию!

– Мы уже пили за Индию, – напомнила Эля. – То есть, потвоему, мы не способны их понять?

– Разве что поверхностно. Бусы, платье, фигурки богов. Как сказал ученый йог, на уровне полоскания носа. Я считаю, культурные барьеры непреодолимы, что тогда, что сейчас. Но это мое мнение, возможно, кто-то не согласится. Если за Индию уже пили, давайте за любовь.

Тост возражений не вызвал, и они выпили.

– Арик, в какой он позе? – Эля умирала от любопытства. – Что случилось?

– Он сунул мне в сумку свои чертовы камни, и меня свинтили таможенники! – бухнул Дима басом.

Эля всплеснула руками и повернулась к Артуру. Лапик неопределенно улыбался и рассматривал свой бокал.

² «Баллада о Востоке и Западе» английского писателя Редьярда Кипплинга.

– Кто же знал! – закричал Артур. – Все чеки в порядке! Положил к Димке, сумки одинаковые... случайно. Не знаю, как это получилось. Мне говорили, все нормально: что купил, то твое. Честное слово!

– Ага, одинаковые! – фыркнул Дима. – Не надо нас душить! Меня чуть в каталажку не упекли. Влепили бы пять лет за контрабанду... Всю жизнь мечтал об индийской тюрьме.

– Краденые? – спросил Лапик.

– Да нет, какие-то суперценные, туристам не продают... национальное достояние.

– В смысле, не продают? – удивилась Эля. – Моя знакомая накупила у них кучу ювелирки!

– Продают, но не такие, эти какие-то особенные, и цена... – сказал Артур. – Свои могут купить, а туристы нет. Из Египта, например, нельзя везти кораллы... Вот они и забрали, жулики! Слава богу, без последствий. Но деньги не вернули. Держали Димку целый час, я уже не знал, что и думать, весь на нервах!

– Ну и пошел бы признался, что камни твои! – сказал Дима.

– А ты не сказал? – спросила Эля.

Дима дернул плечом...

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – сказал Лапик примирительно и поднял бокал. – Все хорошо, что хорошо кончается, как говорят англосаксы. За нас!

Артур выпил, раз, другой, оттаял и пришел в себя. Рас-

хвастался, что он теперь там свой человек, его принимают как родного и бизнес-перспективы впечатляют! Намекнул на приятные перемены в жизни, вспомнил про индианок, закатил глаза...

Эля притулилась в уголке дивана и задремала. Лапик принес с веранды шампанское и торт, Эля проснулась и захлопала в ладоши. В разгар праздника Артуру позвонила жена, он умолк на полуслове и засобирался домой. Дима иронически хмыкнул. Лапик взглянул на часы.

– Мы остаемся, – с нажимом сказала Эля. – Хочу шампанского!

Артур ушел. Дима поставил чайник и подбросил дров в камин. Лапик потянулся за бутылкой, хлопнула пробка, и Эля взвизгнула...

– Хороший торт, – сказала она, отрезая себе изрядный кусок. – Мой любимый, «Метро». А шампанское холоднющее! Замерзла... Дим, мне кружку побольше!

– Нелепая история, – сказал Лапик. – Даже не верится! Чтобы вот так запросто на таможне ограбили туристов... дикость! Хоть бы деньги вернули. Бедный Артур! Хотя поступок его, скажем прямо, выглядит сомнительным.

– Жлоб! Влюбился он... а как жена позвонила, сразу бегом! – осуждающе сказала Эля. – Камни, конечно, жалко.

– И все-таки... – задумчиво произнес Лапик. – Зачем ему прятать камни в твою сумку?

– Ну как ты не понимаешь! – воскликнула Эля. – Он его

подставил! Сам везти испугался!

– И чего бы он добился? Ну, допустим, камни нашли, нарушили вы там какие-то их законы, и что? Ты бы сказал, что камни не твои, позвали бы Арика... Думаешь, он стал бы отрицать?

– Пусть бы попробовал! На камнях его отпечатки, – сказала Эля. – Вот гад! Он мне никогда не нравился. Как ты только с ним дружишь!

– Друг детства, – сказал Лапик. – Никуда не денешься. Тем более общий бизнес... – Он усмехнулся иронически.

– Ага, хапнул за бесценое «Испанца в кружевном воротнике», – сказала Эля. – Воспользовался тем, что крыша потекла и деньги нужны.

– Ну, я думаю, Димыч в долгу не остался, – заметил Лапик. – Дружба дружбой, а ухо держи востро.

– И все-таки я не понимаю...

– Подожди, Элька, – перебил Лапик. – Мне кажется, что-то не то в этой истории. Некая бросающаяся в глаза странность. Я склонен думать, Артур действительно перепутал сумки. Чего ему бояться, куплено честно, чеки есть, координаты ювелира... Димыч, согласен?

Тот сделал вид, что не услышал.

– Вам нужно было поднять хайп, а вы молча проглотили. Между прочим, туристу всегда вручают памятку, что можно вывозить, что нельзя. Ну, там антиквариат, животных... возможно, драгоценности. Надеюсь, вы ее читали?

– Ну как ты не понимаешь! – горячилась Эля. – Ты же им ничего не докажешь, да еще и в тюрьму посадят! Черт с ними, с камнями! Главное, все живы. Жалко, конечно, хоть бы одним глазком посмотреть...

Дима сунул руку в карман, достал замшевый мешочек и вытряхнул на журнальный столик четыре камешка:

– Смотри!

Эля вскрикнула и вытаращила глаза; Лапик приподнял бровь, внимательно посмотрел на Диму и снова перевел взгляд на четыре круглых, поблескивающих в бликах огня камешка: два синих, один красный и один зеленый.

Трещали дрова в камине, неровные розовые тени плясали на стенах; казалось, слышно, как лопаются пузырьки в бокале с шампанским...

– Ты что, грабанул Арика? – опомнилась наконец протрезвевшая Эля. – Дим? Как это... ты чего? Получается, они ничего у тебя не нашли? Это что, месть такая? Но ты же сам сказал, он не нарочно перепутал... Ничего не понимаю! Дим!

– Минуту! – Лапик забегал пальцами по экрану айфона. – Сейчас, сейчас... Ну вот! Как я и предполагал, нельзя вывести слитки золота и серебра, животных, антиквариат и... – он поднял палец, – ювелирные изделия стоимостью более двух тысяч рупий!

– Рупия – это сколько? – спросила Эля.

– Это очень мало, поверь. Сейчас узнаем! Один доллар

семьдесят семь рупий... значит, две тысячи примерно двадцать шесть баксов. Насколько я понимаю, эти камни стоят дороже? Или... что?

– Значит, все-таки нельзя было... – сказала Эля. – И что же ты делал у них целый час?

– Они его обыскивали!

– Почему его, а не Арика? Димыч, ты сказал, у тебя были две тубы с рисунками...

– Потому меня и дернули, – признался Дима. – Повытаскивали, стали рассматривать. Набежало целых пять человек, радуются, смеются... даже начальник приплыл, толстый, с усами как у Дали. Попросил нарисовать портрет, сидел весь такой важный, нахмурился, живот втянул. Очень благодарил...

– Значит, камни не нашли? – спросила Эля.

– Думаю, нашли. Нашли, Димыч?

– Нашли, – сказал Дима. – Всю сумку перекопали и нашли. В самом начале. Я прямо охренел, когда увидел! Еще до портрета.

– Нашли?! Как это? И отдали назад? Почему?

– Спроси у Лапика, он все знает, – фыркнул Дима.

– Лапик! В чем дело? Можете наконец сказать по-человечески? – возмутилась Эля. – Ничего не понимаю!

– А подумать? – спросил Лапик. – Своей головой? Существует одно-единственное приемлемое объяснение... ну-ка? Ты же у нас умная девочка... красный диплом, интеллект,

детективы опять-таки читаешь в оригинале.

– При чем здесь детективы!

Лапик протянул ладонь Диме, тот, словно заключая пари, хлопнул сверху своей; теперь они оба выжидательно смотрели на Элю: Лапик иронически улыбаясь, Дима – приоткрыв рот.

– Ты хочешь сказать... – Эля осеклась.

– Ставлю «Абсолют», – сказал Дима; Лапик кивнул.

Эля взяла красный камешек, посмотрела через него на огонь в камине; потом через синий, зеленый...

– Они... ненастоящие?

– Bravo! – Лапик захлопал. – Димыч, ты продул!

– Они так смеялись! – сказал Дима. – Чуть не подошли! Позвали остальных, рассматривали эти стекляшки, тыкали друг другу щеки, возбуждились, а я ни хрена не врубаюсь! Только потом дошло...

– Хочу выпить! – потребовала Эля. Лапик вылил ей остатки шампанского; Диме и себе налил вина. – За истину! – Она выпила залпом и спросила: – А почему ты не сказал Арику?

– Что он должен был сказать, по-твоему? – спросил Лапик. – Его обманула любимая женщина? Ты правильно сделал, Димыч. По-мужски.

– В смысле?

– Элька, ты опять как маленькая! Отработанный прием: женщина-наводчица, ювелир-сообщник... Сколько он за них заплатил?

– Четыре штуки зелени!

– Круто!

– Не верю! Дима говорил, у них любовь.

– Любовь-морковь! А с другой стороны, что такое четыре тысячи для бизнесмена! Антикварная лавка, удачный бизнес... Я тоже был у него в «Старой лампе», имел удовольствие... как-то раз. – Лапик и Дима переглянулись; Лапик ухмыльнулся.

– Ага, удачный бизнес, – сказал Дима. – Правда, финансы Нинка контролирует, жена. Все сделки с ее ведома. Он купил камни для себя, ей говорить не собирался, а взять с карточки побоялся. У них все строго, это он только с виду такой крутой... Мы бы запросто зависли там еще на недельку, но лимит исчерпался. Если бы она узнала, сожрала бы с потрохами... тем более такой пролет. А у меня с собой вообще копейки...

– Бедный Арик, – сказала Эля. – Ты ее хорошо знаешь? Что она за человек?

– Нормальная тетка, учит меня жить. Всех строит, в доме идеальный порядок, обеды на белой скатерти, дети по струнке... У них два парня, пять и семь. Говорит, мне бы твой талант, я бы давно стала миллионершей. Требуется, чтобы я писал портреты, обещает клиентуру. Как приду, всегда накормит, расспросит, выдаст цеу...

– А ты? Деньги всегда нужны, – рассудительно сказал Лапик.

– Нужны... Думаешь, надо ему сказать? – невпопад спросил Дима.

– Не надо, – сказал Лапик. – Ты прав, Димыч. Мало того, что потерял деньги, так еще и развели как мальчишку. Пове-рил, влюбился... обидно. Пусть думает, что только на деньги кинули. А память останется. Про Амриту...

– Ага, я тоже подумал... потому и не сказал. Он только вид делает, что весь из себя, а с ним девчонки не хотели дру-жить, ни в школе, ни потом... всю дорогу не везло! Женил-ся на деньгах, а тут вдруг такая сумасшедшая любовь! Он с непривычки и поехал крышей, даже теперь сам не свой, ви-дели? А она его... это самое! – Дима цыкнул зубом.

Лапик ухмыльнулся.

– Как вы можете! – вдруг выкрикнула Эля. – Может, она... эта Амрита, ни при чем! Вы циники! Не верите в любовь! Противно слушать!

Она закрыла лицо ладонями и расплакалась. Эля всхли-пывала, ее тощенькие плечи тряслись; мужчины перегляну-лись; Дима кивнул на бутылку и закатил глаза...

– Эль, ты чего! – Лапик притянул ее к себе. – Мы верим, правда, Димыч? Честное слово! Куда ж нам без любви. Из-вини, это же только гипотетически, досужий треп! Ну дура-ки, согласен. Повторяю: мы с Димычем самые дурные дура-ки на свете! Увлечлись схемами... ты же знаешь нас, мужи-ков. Амрита ни при чем, это все жулик-ювелир. А она ниче-го не знала и тоже влюбилась... А что? Артур интересный

мужчина, натуральный блондин, даже альбинос... экзотика для них. И загар красивый...

– Как у вареного рака, – встрял Дима.

– ...и веснушки. Ну-ну, перестань, девочка, а то глазки покраснеют! – Он промокнул ей глаза салфеткой. – А теперь носик... дуй сильнее! Ну вот, умница, теперь полный порядок. А мы сейчас еще чайку, вон почти весь торт остался... твой любимый! Смотри, сколько орешков, а? Хочешь, нако-выряю?

Лапик, ироничный и язвительный, прижимал Элю к себе, гладил по голове, ворковал и успокаивал ее как ребенка.

– Ну да, ага, влюбилась, сразу видно... было, – бубнил слегка подрастерявшийся Дима. – Он такой счастливый, и за руки держались все время... У него никогда такого не было, аж завидно! Ага, я чайник поставлю! Остыл. – Он вскочил и убежал на кухню.

– У тебя нет ее фотки? – спросила заплаканная Эля, когда Дима вернулся с закипевшим чайником.

– Есть! – Он поставил чайник на пол и достал из кармана айфон.

– Сколько у тебя добра в карманы влазит, – заметил Лапик.

– Вот! – Дима протянул Эле телефон. Она всмотрелась в картинку:

– Какая красивая... с ума сойти!

– Покажи, – Лапик взял у нее телефон. – Ну-ка! Да, хоро-

ша! – сказал он после паузы. – Повезло Арику. Черт с ними, с деньгами...

– Не верю, что она знала! – сказала убежденно Эля. – Она такая... Не верю!

– От красивых людей ожидаешь красивых поступков... – ни к кому не обращаясь, сказал Лапик. – Элька, ты мое чудо! ...Они пили чай и ели торт. Филька мурлыкал, лез под руку Эле и щекотал усами; она совала ему кусочки, и он глотал, не жуя.

– Жаль, Арик не попробовал! По-моему, он, бедняжка, даже похудел, – сказала Эля.

Лапик и Дима переглянулись. Дима открыл было рот, чтобы объяснить, почему именно похудел Арик, но, наткнувшись на предостерегающий взгляд Лапика, так и закрыл...

Они хорошо сидели. Покой и умиротворение снизошли на них, и любовь осенила их своим крылом. Горел камин, блики огня бегали по стенам как розовые гекконы; Лапик выковыривал из торта орешки и отдавал Эле; Эля кормила кота; Дима ел сам. Он машинально жевал, сидел задумчивый, погруженный в свои мысли, представляя, как вернется... Обязательно! Сначала в Агру, сядет на траву и будет смотреть на мавзолей. И останется там на ночь! Потом на океан, и снова будет спать на пляже под сумасшедшими звездами; потом... еще куда-нибудь... Индия большая! Пешком, автостопом, по старым монастырям и храмам.

У него даже слезы навернулись, и перед мысленным возо-

ром стали возникать по очереди то коричневая корова в цветочной гирлянде с красивыми большими глазами, то сказочные храмы с двориками из раскаленного на солнце мрамора, то шумная галдящая разноцветная уличная толпа и юркие рикши, то женщины в малиновых, желтых, зеленых и синих сари, улыбающиеся, в звенящих браслетах, с танцующей походкой... И где-то там среди них дочка господина Сингха, красавица Малика! Наверное, тоже вспоминает его, Диму. А ее портрет висит у них в гостиной на видном месте. И портрет начальника таможни с усами как у Дали тоже висит у него дома...

Дима вздохнул и долил себе чаю...

– Дим, а Малика у тебя есть? – вдруг спросила Эля.

– Есть, – не сразу ответил Дима. – В студии. Хотите?

Эля кивнула, и они пошли посмотреть на Малику. С фонариком, потому что там света тоже не было. Они стояли и смотрели на Малику, а она с картины смотрела на них – смуглая, большеглазая, улыбающаяся, совсем еще девочка; в красном платье, с красным цветком в волосах, с красной точкой на лбу. Смотрела с легкой лукавинкой и так ласково, словно радовалась их приходу; глаза сияли в неярком свете фонарика, краснел цветок в волосах, сверкали золотые украшения на шее и в ушах...

– Дим, когда ты успел? – спросила Эля после продолжительной паузы. Она собиралась еще сказать, что Малика... ну да, миленькая, но ничего особенного, до Амриты ей дале-

ко, и до красоток из Болливуда тоже, но, взглянув на Диму, передумала и промолчала...

Марина Крамер. Танго в дождливом городе

*ответ я заставляю себя танцевать с ним снова,
танцевать с тем, кто причиняет боль. Похоже на
попытку улыбаться, когда удаляют зубы.*

Капка Кассабова, писатель

– Я отлично знаю, как выглядит его жена.

– И нам это зачем?

– А ты не понимаешь, да? Всегда хорошо иметь небольшую страховку от разных непредвиденных ситуаций.

– А кто сказал, что он с собой ее привезет?

– Ты, когда по городу ходишь, на афиши внимания не обращаешь, нет? А там написано – «Международный турнир по спортивным бальным танцам».

– И нам с этого что?

– Вот я туда и съезжу, на красоту полюбуюсь. Или проще даже – по городу погуляю, а там, глядишь, и повезет мне.

– А дело как же?

– А это и будет часть нашего дела. Не понял?

– Нет.

– Ну и не надо. Сам все сделаю.

Я всегда любила перелеты – неважно куда. Привычная к

поездкам и кочевой жизни с раннего детства, я до сих пор не избавилась от предпоездочного волнения, связанного со сбором чемодана, проверкой костюмов и кейса с косметикой. Не забыть туфли, положить стартовые книжки, взять щетку для подошвы, положить два больших флакона лака для волос – так сказать, себе и тому парню. Бальные танцы с детства приучают планировать, жить в режиме и графике, придерживаться – неважно чего – диеты, правил, традиций. Я живу этим с детства, люблю это и готова жить так всю жизнь.

Меня зовут Маша Лашенко, но никто с самого детства не зовет меня так – только Мария. Я занимаюсь спортивными бальными танцами, имею определенный (довольно высокий, скажу без ложной скромности) уровень и вхожу вместе с партнером в четырнадцать лучших пар страны. И в тройку – в своем регионе.

Всего этого мы с Иваном добились сами, без каких-то спонсоров, «лохматых лап», богатых родственников и прочего. Нет – мы с детства пашем как кони, пусть это и некрасивое выражение. Мы проводим на паркете по восемь-двенадцать часов, из зала буквально выползаем, волоча за собой сумки с мокрыми от пота тренировочными комплектами. Мы заслужили каждую медаль, что висит у нас в квартирах на стенке.

С каких пор все пошло наперекосяк? Если задать этот вопрос нам обоим, мы, даже сидя в разных комнатах, уверенно ответим: с того момента, как я вышла замуж. Наверное,

ошибку страшнее я никогда уже не сумею совершить, да и эту не исправлю, даже если разведусь. Развода мне никто не даст, а вот сломать жизнь, карьеру и угробить здоровье могут с легкостью. Мой муж Костя...

Нет, не хочу об этом, хочу о том, куда мы летим на этот раз.

Иван, кстати, отнесся с пониманием к моему замужеству, даже попытался выгоду извлечь:

– Ну, хоть бы охрану какую дал тебе, твой кофр бы самому таскать не приходилось.

Кофр с четырьмя платьями весит достаточно, чтобы от его тяжести болело плечо даже у тренированного Ивана, так что его мечты были вполне оправданными.

Итак, пять двадцать утра, аэропорт сибирского города, мы в очереди на регистрацию. Вылет через полтора часа, на табло светится задержка рейса. Прекрасно...

– В Санкт-Петербурге сильный дождь, – объясняет девушка на стойке регистрации. – Пулково пока не принимает.

– Но мы сегодня точно улетим? – интересуется Иван, шлепая на стойку наши паспорта.

– Улетите. Вопрос только в том, во сколько, – улыбается девушка, заметно покраснев, – мой партнер красавчик с темными волнистыми волосами, ухоженный и пижонистый, умеет обольстить с ходу любую.

– Печаль-печаль, – вздыхает Иван, забирая паспорта и посадочные талоны.

Кофры мы, поколебавшись, сдаем в багаж. Иван даже не поленился и обмотал их полиэтиленом, удивив меня заботливостью.

Коротаем время в кафе. Иван дремлет, откинувшись на спинку кресла и сложив на груди руки, а я строчу сообщения Марго – единственной моей подруге, живущей в Москве.

«Хочешь, я приеду?» – спрашивает она, едва узнав, что мы танцуем в Питере.

Это такой соблазн... мы давно не виделись, кажется, около трех месяцев, я безумно соскучилась. Конечно, я могу написать – да, приезжай, и она примчится первым же поездом, но мы все равно не сможем даже поговорить по душам, у нас довольно плотное расписание. Но можно и рискнуть...

«Приезжай», – быстро набрала я и нажала «отправить», пока не передумала. Марго хватит времени, чтобы купить билеты и завтра утром появиться в Питере.

Мы всегда останавливались в одной и той же недорогой гостинице совсем рядом с вокзалом, и она об этом знала, так что номер наверняка там и бронирует. Турнир для нас начнется только в субботу, сегодня еще четверг, так что лично у меня будет почти двое суток, чтобы вдоволь нагуляться по Питеру, пусть даже там дождь. Конец мая, уже тепло, а дождь... ну что такое дождь – вода с неба? Переживу.

Иван натянул на лицо капюшон спортивной кофты и откровенно захрапел, а я решила размять затекшие ноги и встала.

– Куда? – мгновенно отреагировал партнер, хотя секунду назад, казалось, крепко спал.

– В туалет! Со мной хочешь?

– Ладно, иди.

– Ой, спасибо, благодетель! – съязвила я, направляясь к лестнице, ведущей в полуподвальный этаж, где находились туалеты и даже была оборудована курилка.

Меня не покидало какое-то странное предчувствие неприятностей, даже сигарета не смогла отвлечь от этого. Я не очень хотела лететь на этот турнир – ныла травмированная не так давно спина, программа еще не совсем обкатана, мы только недавно изменили все вариации в танцах. Но Ванька был неумолим – едем, и все тут.

– Зря, что ли, столько денег в костюмы вбухали?

Это было последним аргументом, и я сдалась. Собственно, пошив костюмов с некоторых пор стал для меня делом приятным – занималась этим в основном Марго, рисовала эскизы, подбирала ткани. Мне оставалось прилететь в Москву и сходить с ней пару раз в ателье для заказа и примерок, а потом Марго просто высылала мне готовый костюм при помощи службы доставки. Обладавшая тонким вкусом, Марго выстроила мой имидж так, что на паркете меня было видно сразу, в любой толпе, при любом количестве пар. Мы обрели индивидуальность, стиль, дополнив имевшийся у нас собственный танцевальный почерк, и это в целом пошло нашей паре только на пользу.

Поднявшись из полуподвала снова в накопитель, я решила немного побродить и размять ноги – сидеть придется еще очень долго, это не слишком полезно для мышц. И первый, кого я увидела, завернув зачем-то в небольшой отдельчик, где торговали нашими местными сувенирами, оказался мой супруг Константин Айвазович Кавалерьянц.

Он стоял в окружении троих своих подручных и выбирал какую-то ерунду. Обернувшись на стук каблуков – ну а как же, по-прежнему не может пропустить ни одной юбки! – Костя увидел меня и широко улыбнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.